

АЛЕКСЕЙ МИТРОФАНОВ

ИГРУШЕЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ДЮЖИНА СОВРЕМЕННЫХ
РАССКАЗОВ

Алексей Митрофанов

**Игрушечный калейдоскоп.
Дюжина современных рассказов**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Игрушечный калейдоскоп. Дюжина современных рассказов /
А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900528-1

Сборник рассказов «Игрушечный калейдоскоп» — своего рода продолжение романа Алексея Митрофанова «Маленький клоп». Те же действующие лица, та же легкая фантазмагоричность происходящего — и добрая человеческая дружба, которая в результате побеждает все.

ISBN 978-5-44-900528-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Назначение Гитары	6
Олег Заяц и Полинчик	11
Собутыльник на час	17
Тараканы не пахнут	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игрушечный калейдоскоп Дюжина современных рассказов

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4490-0528-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Назначение Гитары

(написано для благотворительного портала «Милосердие»)

Валерий Николаевич Гитара, 1970 года рождения, родом был из города Владимира. То есть ему удалось застать то удалое время, когда на главной улице этого древнего русского города – Большой Московской – действовало более десятка казино. На выходные сюда приезжали азартные люди из самой столицы на своих черных вместительных внедорожниках. Да и на других автомобилях тоже приезжали – казино здесь были на самый разный вкус и кошелек.

Вот счастье-то для игрока – выйдешь на чистую, морозную, заснеженную улицу, перейдешь дорогу – и снова оказываешься в нарядном помещении, насквозь пропитанном теплом и надеждой на молниеносное обогащение. А если не будешь лениться и каждый раз, перейдя дорогу – ту самую Большую Московскую улицу – возьмешь себе за правило чуточку перемещаться в направлении Нижнего Новгорода, то имеешь шанс посетить практически все значные заведения богоспасаемого Владимира.

Естественно, Валерий Николаевич не упустил свою удачу, и работал в одном из таких заведений крупье. Заведение, правда, было не особенно роскошное. Между нами говоря, дрянь было заведение, для всякой шелупони. Стоимость коктейлей в баре начиналась от пятнадцати рублей – 50 граммов бюджетной владимирской водки и 100 кока-колы. О чем тут вообще говорить!

Счет, правда, на эти пятнадцать рублей приносили в коричневой кожаной папочке. Все как у людей.

На жизнь, Валерию Николаевичу, впрочем, хватало. Жизнь во Владимире была тогда дешевая. Автомобиль же вообще не нужен, до всего, что тебе надо, запросто пешком дойдешь. Главное – нравилась ему сама атмосфера казино, все эти безудержные страсти и жалкие страстишки, которые там бурлили, хитроумным образом переплетались, образуя в совокупности потоки самые что ни на есть немислимые. И это обстоятельство давало нашему герою ощущение восторга.

* * *

Увы, земное счастье не способно продолжаться бесконечно. В один прекрасный момент государственные власти приняли решение – свернуть по всей стране все казино, а сделать несколько игорных зон. Одну из них – в Калининградской области, в поселке городского типа Янтарный. Валерий Николаевич Гитара понял, что пора перемещаться. Действовать на опережение. Быстрее, как можно быстрее продавать свою владимирскую квартиру и покупать жилье в Янтарном. Пока цены там до потолка не подскочили. А затем сидеть и ждать, пока не выстроят на новом месте город счастья.

И то, и другое, к сожалению, сложилось лишь наполовину. То есть, квартиру во Владимире Гитара все таки продал, но у покупателя возникли некоторые проблемы юридического плана, история затянулась, и к тому моменту, когда на банковском счету Валерия Николаевича наконец-то появилась кругленькая сумма, недвижимость в Янтарном все таки подорожала, и притом катастрофически. Жилье, аналогичное владимирскому, купить было уже невозможно. И вообще с мыслями о квартире пришлось быстро расстаться. Гитара взял домразвалюху, который, мало того, что постоянно требовал материальных вложений, так ведь еще и оказался памятником архитектурного наследия, и минимизировать расходы было, мягко говоря, проблематично. Но пришлось соглашаться на такой вариант – Гитара опасался дальнейшего роста цен.

Правда, опасался он, как вскоре выяснилось, совершенно зря. Да, владимирские казино очень быстро прикрыли, а вот с городом счастья на янтарном побережье, как нам известно,

возникла заминка. До сих пор на сайте зоны окончанием работ значится год 2029. Цены на недвижимость, ясное дело, начали снижаться, и получилось, что Гитара приобрел свою халупу на самом пике спроса по совершенно абсурдной цене.

* * *

Однако он не унывал. Дом свой паршивый называл особняком, а на работу пристроился в школу. Педагоги-мужчины всегда были в цене, про это и роман написан, и фильм снят – «Географ глобус пропил». Даже те педагоги, что не самого высшего качества. А у Гитары имелся хотя бы диплом – в свое время, чтобы избежать армейской службы, он окончил Владимирский педагогический университет имени братьев Столетовых (тогда – просто пединститут).

Правда, и жизнь новоявленного педагога не была столь насыщенной, сколь была у его придуманного пермского коллеги. Старшеклассницы в Гитару почему-то не влюблялись, супруги – чтобы с ней каждый день собачиться – у него не было. Преподával он две самые увлекательные и вместе с этим, по ошибочному представлению обывателя, самые несерьезные дисциплины – ОБЖ (бывшую НВП) и технологию (бывший труд). А что другое и не потянул бы – после стольких-то лет исключительно игорного промысла.

Зато навыки, полученные в казино, здесь неожиданногодились. Хотя что удивляться? И тут психология, и там психология. К тому же, наш герой прекрасно понимал, что как раз именно эти два предмета – не самые несерьезные, а, наоборот, самые важные. Часто ли вам во взрослой жизни требовались знания про пестики-тычинки, созвездие Малая Медведица, Великую теорему Ферма и химические катализаторы? То-то же. А вот костер под дождем запалить или движок перебрать у мопеда – умения очень востребованные.

Можно уверенно сказать – Гитара был своим ученикам полезен, и ученики его любили. А что карточные фокусы показывал, да байки казиношные травил – так то после звонка, не считается.

Но подобная гармония не устраивала нашего героя. Манил зеленый стол, ох как манил. Там он был повелителем, вершителем судеб, от его умелой руки зависело, в горе или же в радости покинет тот или иной искатель приключений заведение. Нет, он, конечно же, не передергивал (да и не передернешь, всюду камеры), но все равно его устами оглашался приговор. А тут – никакого почтения, одни только пакости, которые активно совершали любящие ученики и школьное руководство.

И возникла мечта у Гитары – устроиться крупье в соседнюю Польшу. Вот где благодатные земли! Все как надо, Европа. И чаевые, говорят, не отнимают, хотя это – вряд ли.

Да только как туда устроишься? Своих желающих хватает плюс шенген рабочий надо получать, с жильем опять таки решать проблему. Не вышло бы как с переездом в Янтарный – хлопот-затрат много, а результат отрицательный.

И мечта оставалась мечтой, что, в общем, тоже неплохо.

* * *

И вот в один прекрасный вечер перед Рождеством Валерий Николаевич Гитара отправился в поселковый паб «Янтарь». Настроение у него было приподнятое, но с праздником он это не увязывал. Он вообще про праздник ничего не знал – церковный календарь был для него *terra incognita*.

Первый, кого он встретил в пабе, был скользкий человек по кличке Змей. Он действительно напоминал змею – весь какой-то узкий, одномерный, будто бы не было у Змея позвонков, и вообще он был даже не змеем, а чем-то хордовым вроде миноги в желе.

– Привет, Галактионов! – издевательски-почтительно выкрикнул Змей.

Тут надо пояснить, что наш Гитара был на самом деле не Гитара, а Галактионов. Гитарой же его прозвали в перестройку, когда он торговал самодельными матрешками и сувенирами «тяни-толкай» у владимирского магазина музыкальных инструментов. Своей фамилии Валерий Николаевич стеснялся, считал себя недостойным ее, такой звучной и пафосной. А вот

Гитара ему было в самый раз. Змей, разумеется, об этом знал, но Змей на то и Змей, чтобы млекопитающим жизнь медом не казалась.

– Здорово, Змеюка, – ответил Гитара, заранее настроиваясь выпить маленькую кружечку янтарного напитка и валить подальше от такой компании, благо в поселке последние несколько лет всяческих заведений понаоткрывалось предостаточно.

– А у меня для тебя есть хорошая новость, – продолжил общение Змей. – Реальная возможность в Гдыню в казино устроиться. На должность крупье. Я для братика своего устраивал, а тот в последний момент отказался – на англичанке, понимаешь, женится. А там все на мази. Конечно, надо заплатить – и за переоформление документов, и мне за усердие. Но это так, мелочи.

У Гитары закружилась голова от счастья. И знал ведь, что Змей – это тот еще жук, что веры ему нет и не предвидится, что связываться с ним выйдет себе дороже. Но до боли знакомые, выстраданные слова – казино, крупье, Гдыня – сделали свое дело. Слаб в тот момент был Гитара, мечтателен и непрактичен.

Не смутили его и обстоятельства встречи. Следовало сегодня же, к девяти часам вечера явиться в определенное помещение заброшенного янтарного рудника. А рудник этот, надо сказать, был сомнительным местом. С одной стороны, сюда и экскурсии водили, как групповые, так и индивидуальные, а случалось и сильные мира сего посещали колоритную достопримечательность. А с другой, там, поговаривали, иной раз проводилась незаконная добыча янтаря и конкуренты выясняли отношения на ножах, а изредка звучали даже пистолеты. Именно там Гитара должен был встретиться с устроителями своего будущего счастья, передать им подлинники документов, а также приличный задаток. И змееву долю, естественно, тоже.

И вот бедный Гитара вместо того, чтобы отправиться в какой-нибудь надежный винный бар с подачей бутербродов, идет на окраину города, навстречу то ли крупным неприятностям (это как минимум), то ли своей безвременной гибели, то ли гибели своей бессмертной души. Впрочем, мы этого не знаем и не узнаем никогда. Ведь Гитара не был коренным жителем Янтарного, в достопримечательностях путался, особенно если на нервах. В результате вместо штольни «Мария» он оказался в штольне «Луиза», где в этот момент мерзла компания из десятка мужчин явно чиновничьего вида. Это был как раз тот случай, когда в шахту завезли высокого начальника. На этот раз – руководителя образовательного департамента Калининградской области.

* * *

Наш герой не сразу понял, что ошибся. Змей же не описывал ему, как будет выглядеть компания гдыньских посредников. Отчего бы и не так – в костюмах, с кожаными папочками и портфелями. С другой стороны, экскурсанты тоже не удивились появлению нового персонажа. Тем более, что внешне он совсем не выделялся – по казиношной привычке носил галстуки и костюмы. Да и портфель с документами тоже присутствовал.

Гитара постоял, прислушался. А разговор шел странный, вовсе не про Гдыню и не про казино. Солировал глава поселковой администрации, его наш герой узнал сразу. Экскурсионная часть, вероятно, закончилась – речь шла про местную школу, ту самую, где Гитара преподавал технологию и ОБЖ. Говорил глава, что увольнение директора – вопрос практически решенный, да только кого взять на его место – совершенно непонятно. А ведь нужен человек, предельно искушенный в тонкостях обязательной программы и современных стандартах образования. А такой на горизонте все никак не рисуется. И калининградский гость ему, дуэтом – дескать, да, не вырисовывается, с кадрами в регионе вообще беда.

Валерий Николаевич стоял, слегка прислонившись к шероховатой стене. Необработанный янтарь в свете обычных ламп накаливания смотрелся благородно и таинственно – совсем не так, как жалкий ширпотреб, который продают потом на набережных Светлогорска, Паланги и Сопота. Из него еще можно изготовить шедевр – такой, например, как легендарная Янтар-

ная комната. Или хотя бы солидная, тяжелая люстра, выполненная в 1950-е годы для кабинета Никиты Хрущева и виденная Гитарой в Музее Калининградского янтарного комбината. Признанных произведений искусства из янтаря немного, но они есть.

«Так и с людьми, – подумалось Гитаре. – Возишься с ними в школе, пытаешься сделать достойных людей. А большинство учителей и вовсе не пытается. Для них главное – чтобы в документах комар носа не подточил. Вот и выходит – на бумаге все прекрасно, а на деле получается такой же ширпотреб, как у янтарных мастеров-халтурщиков».

Вспомнилось Валерию Николаевичу и старое казино на Большой Московской улице. Вспомнились и посетители его – вчерашние выпускники простых общеобразовательных школ. У которых тоже были и учителя, и классные руководители, которым объясняли и красоту пушкинских стихов, и совершенство античных скульптур, и волшебство музыки Бетховена, и чистый гений великих математиков, и потрясающий героизм воинов Великой Отечественной. А выбор в результате сделан был в пользу полутемного зала с фальшивой вежливостью персонала и обязательно с задрапированными окнами – чтобы первый утренний свет не пробудил в игроке голос разума. В то время зал уже казался ему скверным и порочным.

Трясущиеся руки. Покусанные губы. Зрачки, расширенные явно не от лишней порции мороженого. Алкогольные реки. И деньги, деньги, деньги. Все подчинено именно им.

Гитаре сделалось противно. «Господи, – подумал он, – как благодарен я Тебе, что отвел ты меня от греха, что привел сначала в этот город, в эту школу, а потом и в эту штольню!» Такой была его первая в жизни неумелая молитва.

И он почувствовал глубокое раскаяние за то служение пороку, которому посвятил не один год своей жизни. И в то же время желание полностью посвятить себя своему нынешнему делу. Не ограничиваться выполнением формальных требований, а делать все возможное и невозможное для того, чтобы выпускников тянуло не зеленое сукно, да будь оно неладно, а мастерская художника, филармонический зал, инженерное бюро – все то, что делает человека еще более человеческим.

* * *

И в этот момент Валерия Николаевича как будто что-то отпустило, и он без приглашения вступил в беседу. Он говорил, что современные стандарты и программа – ерунда, сегодня они одни, завтра будут другие. А нужно готовить реальных людей к качественной и плодотворной жизни в реальном мире. О том, что важен региональный компонент. Что нужно постоянно увязывать теорию с повседневной жизнью. Что дети должны любить школу, стремиться туда изо всех своих сил.

– А кто вы собственно, такой? – в конце концов смог вставить свое слово высокий гость.

Гитара представился.

– Один из лучших наших преподавателей, – добавил глава администрации, чтобы смягчить случившийся конфуз. – Видите, равнодушный какой.

– Вижу, – сказал гость. – Так нам такие и нужны. Вот что, Валерий Николаевич. Приезжайте завтра к десяти ко мне в Калининград. Поговорим. Возможно, мы вам сделаем предложение, от которого вам не захочется отказываться.

И Гитара приехал. И был в высоком кабинете долгий разговор, в процессе которого он произвел самое благоприятное впечатление. К тому же продемонстрировал недюжинные знания в области детской психологии. Не удивительно, ведь игроки – они ж как дети, это всем известно. Да и в программах со стандартами Валерий Николаевич, как выяснилось, разобрался.

* * *

Завершились зимние каникулы. Начались занятия. Наш герой явился в школу, но, прошел не как обычно, в подвал, в мастерскую технологии, а на второй этаж, в просторный светлый кабинет с приемной. Блестящая табличка на двери гласила: «Галактионов Валерий Николае-

вич, директор». И он впервые не почувствовал смущения, увидев свою настоящую фамилию. Он теперь полностью ей соответствовал.

Олег Заяц и Полинчик

Если ты живешь в Архангельске, то нужно жить в гостинице. Потому что, если ты живешь в гостинице, то это с большой степенью вероятности означает, что ты приехал в Архангельск на несколько дней, максимум на неделю, а твое постоянное место жительства находится в каком-нибудь другом, более-менее приемлемом для жизни месте. Потому что жить в Архангельске, вообще-то говоря, нельзя. Но несколько дней – можно.

Особенно бесчеловечны архангельские зимы. Если в средней полосе морозы, по обыкновению, сопровождаются чистым небом, ярким солнцем и безветрием (что, собственно, и создает миф о прекрасной зимушке-зиме), то здесь все не так. Мороз под тридцать градусов, но небо при этом затянуто тучами. Впрочем, насчет туч – момент не принципиальный. Все равно – в соответствии с астрономической геометрией – солнце появляется над горизонтом часа на полтора и неспешно перекачивается обратно, в сторону Южного полушария.

А где вы в крупном областном центре видели горизонт? Вот и получается, что солнца нет зимой вообще – так, на несколько минут небо немножечко сереет и вновь заливается сплошной чернотой, сажей газовой, как говорят живописцы. Плюс ветер – до двадцати метров в секунду. Потому здесь в такой моде шнурочки для очков – эти очки несколько раз на дню с головы сносит.

* * *

И вот в один прекрасный день на безнадежно промерзлую архангельскую землю ступил московский биолог, географ, этнограф, заслуженный деятель и кавалер Олег Заяц. Человек, в общем, с завидным бэкграундом – в прошлом, по молодости, путешественник, африканист, не раз спасавшийся бегством от диких племен в Черной Африке, затем профессор Института Азии и Африки, к своим сорока годам вышедший на вольные хлеба, он смело поставил на эту самую землю свою сухощавую ногу в ботинке, выпущенном по специальной термотехнологии. Ощутил всей ступней дикий холод, матюкнулся в пшеничные усы и направился на стоянку такси. К счастью, водитель, бросившийся ему чуть ли не под ноги, запросил не так много. Другое дело, что автомобиль оказался потрепанной «Волгой» с несерьезной надписью «Снежок» (так поморы-шутники называли свою фирмочку), которая, ясное дело, продувалась во все щели, но Олег заранее решил терпеть невзгоды и не роптал.

Гостиницу он, впрочем, выбрал одну из лучших в городе – «Пур Наволок Отель». Славилась она еще в девяностые, когда, только-только построенная, поражала посетителей своей функциональностью. Вместо традиционной для такого уровня сплит-системы здесь были установлены обогреватели – правда, какие-то суперкомфортные, с множеством кнопочек и ползунков. Рядом с окном портили интерьер, но повышали уверенность в завтрашнем дне дополнительные рамы с натянутыми на них комариными сетками. Особенной продуманностью отличался минибар. Он состоял всего из трех позиций – бутылка местной водки, бутылка фанты и бутылка местной же минералки. Ход мысли составителя понятен: замерзший постоялец поздно вечером приходит в номер, выпивает бутылку водки, запивает фантой и, не раздеваясь, ложится в кровать. Утром похмеляется минералкой и опять уходит по своим делам. А что ему еще, командированному бедолаге надо?

С тех пор много ледяной воды перетекло по Северной Двине, гостиница неоднократно меняла хозяина, реконструировалась, обзаводилась атриумом, панорамными лифтами, кондиционерами, утрачивала сокровенные отличия вроде того же обогревателя, комариной сетки и густого клюквенного морса с медом в баре, но, в среднем, уровень держался на приличной высоте.

* * *

Заяц, строго говоря, не был командированным. Он присматривался к бизнесу. Он решил осчастливить жителей города – дать им тепло. За неимением возможности сделать это напрямую, Олег решил действовать опосредованно – через ассоциации. Точнее, через крокодилов. Он замыслил открыть в Архангельске крокодилник, или как оно там называется. У Достоевского в сатирическом рассказе «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже. Справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло» подобное помещение называли «крокодильной комнатой», но Заяц это, разумеется, казалось несерьезным.

Он хотел открыть не зоопарк и даже не террариум, а павильон для демонстрации исключительно крокодилов. И, разумеется, осчастливленные архангелогородцы должны были, в свою очередь, активно покупать билеты в крокодилник, обеспечив крокодилщику безбедное существование.

Предметом он владел, если можно так выразиться, виртуозно. В чем, в чем, а в крокодилах Заяц разбирался. И, что немаловажно, здесь, в Архангельске жила его старая боевая подруга Полинчик. Тоже африканистка, тоже путешественница, тоже авантюристка и непоседа, она была вынуждена несколько лет назад переехать в Архангельск ухаживать за своей тяжело заболевшей мамой. Процесс, как это часто бывает, затянулся, Полинчик к Архангельску притерпелась, тем более, что беготня по Африке осталась в прошлом – не в силу возраста или физической подготовки самого Полинчика – здесь как раз все было замечательно, а по причине отсутствия у государства средств на экспедиции.

И вот Олег, только закинув вещи в номер и умывшись, сидит все в той же «Волге» под названием «Снежок», и везет его этот «Снежок» в отдаленный архангельский микрорайон Соломбала, известный тем, что все дома там сделаны из дерева, и мостовые тоже.

* * *

А получасом позже Олег Заяц, сбросив, наконец, ледяные и вконец задубевшие термотехнологические башмаки, сидел на старом чехословацком диване (то есть сделанном, когда Чехословакия еще не разделилась на два суверенных государства, Чехию и Словакию) и с удовольствием смотрел на свою боевую подругу. Она была полностью лысая, и голова ее блестела в свете старого торшера наподобие розового надувного шарика. Украшала эту голову разноцветная татуировка, сделанная из забавных танцующих жуков. В действительности, не было там ничего забавного, совсем наоборот – на черепе Полинчика был нанесен магический узор довольно сурового африканского племени. Редкие посвященные, увидев это, приходили в ужас и клялись себе держаться от Полинчика подальше. Непосвященные, однако же, об этом не догадывались, так, думали, тетка в детство впала.

Правильно вели себя как раз вторые – никакой магией Полинчик никогда не пользовалась, предпочитая этому сомнительному удовольствию радости более предметные, в частности, ликер «Бейлис». Который попивала ежедневно, но с катушек не сходила – молодость и здоровье позволяли соблюдать баланс.

Вот и сейчас Полинчик со стаканом «Бейлиса» в тонкой руке сидела напротив своего старого боевого товарища и пыталась продемонстрировать ему каверны означенного выше бизнес-проекта. Она говорила, что в Архангельске нет зоопарка, что так называемый передвижной контактный зоопарк «Мадагаскар» не в счет, что нужно делать нечто основательное, если и не по площади (не тот полет у Зайца), то по крайней мере по ассортименту.

А Заяц продолжал доказывать необходимость концентрации именно на крокодилах.

– Беда всех зоопарков, – говорил он – в их пестроте. Тут тебе и слон, и ворон, и лиса, и таракан мадагаскарский. В результате у посетителя образуется в голове дикая каша, как у автобусного экскурсанта, проезжающего за три дня пять европейских стран. Необходима концентрация на чем-нибудь одном. Как в общепите – бывают шашлычные, бывают чебуречные, бывают сосисочные.

– Бывают, – соглашалась Полинчик. – Но, согласись, что глупо открывать чебуречную или бутербродную там, где нет ни одного широкопрофильного ресторана. Лучше все-таки начать с него.

– Мы же, когда приходим в ресторан. – гнул свое Заяц, – не заказываем сразу все, что есть в меню. И даже если бы в нас это поместилось, и денег хватило бы счет оплатить, все равно не заказывали бы. Потому что понимаем – невозможно объять необъятное, вбухать в себя столько всего разного, несовместимого. Так почему же, если мы так бережем свою утробу от чрезмерностей, то в голову готовы напихать всяческих впечатлений без ограничений, а затем утрамбовать их, чтобы еще вошло.

Этот бессмысленный спор длился долго. Полинчик, поначалу вызвавшаяся помочь старому другу и даже намекнувшая на некоторые свои административные возможности (почему, собственно, и выбран был Архангельск, а не Вологда или, к примеру, Гусь-Железный), теперь, похоже, всячески стремилась внести в голову Олега неуверенность и смуту. Потому что полноценный зоопарк он бы действительно не потянул. А крокодильник не устраивал Полинчика.

В конце концов, ближе к полуночи, деловые партнеры решили перенести разговор на потом. Наш герой вызвал автомобиль «Снежок» и через полчаса уже сидел в лобби «Пур Наволок Отеля». Пил местную водку «Северное золото» (настоянную, если верить этикетке, на пантах марала) и размышлял о послании в плотном конверте, которое вручил ему ночной портье. Послание было таким: «Ты чмо московское если хочиш и дальше жить спакойна здоровым и целым убирайся отсюда внатуре сичасже и шоб никаких кракадилоф».

Подписи под посланием не было.

* * *

На следующий день Олег вел жизнь обыкновенного туриста. Зашел в музей, где ознакомился с чучелом белого медведя. Вопреки законам анатомии, медведь стоял на задних лапах, но таксидермист был питерский, дело имел лишь с бурыми медведями и таких тонкостей не знал. Прогулялся по улице имени революционера Чумбарова-Лучинского, превращенной местными энтузиастами в городок деревянного зодчества. Отобедал, между прочим, в ресторане Соловецкого подворья, где заказал оленину в горшке и тресковый поморский пирог.

Послание сверлило мозг, но не сказать, чтоб очень сильно. Не в характере отважного африканиста дрожать от каждого лица бумаги, написанного безграмотным наглецом.

Картина, тем не менее, складывалась безрадостная. Во-первых, судя по всему, Полинчик ему больше не подмога. Во-вторых, береженого бог бережет – вдруг за этим подметным письмом что-то есть. И в-третьих, в самых главных – чем больше он гулял по городу и вглядывался в лица архангелогородцев, тем полнее открывалась перед ним страшная истина – не нужны здесь никакие крокодилы. Да, жизнь архангелогородца тяжела и, безусловно, нуждается в облегчении и развлечении, но не о крокодильнике мечтает местный обыватель, как пить дать не о крокодильнике.

В результате было принято решение – негоцию сворачивать и уезжать из города незамедлительно. К сожалению, места на самолет уже закончились, но Олег Заяц был нетребовательный и против железной дороги ничего не имел.

Выписался из «Пур Наволок Отеля» (писем, к счастью, больше не было), взял немногочисленные вещи и поехал на вокзал. А по дороге мечтал – вот бы явился какой-нибудь знак судьбы, говорящий, что все-таки стоит вернуться и продолжить начатое. Очень уж он свыкся со своей идеей, жалко было расставаться.

Знак не замедлил явиться – на вокзале Заяц столкнулся со своими крокодилами. Только вышел из такси «Снежок» – сразу упала эсэмеска, дескать, крокодилы прибыли таким-то поездом, встречай. Произошел досадный сбой. Заяц велел своим московским контрагентам отправить крокодилов по первому требованию, а они поспешили. С одной стороны, неприятно, когда

в твою жизнь вмешиваются подобные накладки. А с другой, более определенного знака судьбы и представить себе невозможно.

Во всяком случае, теперь Олегу было не до рефлексий. Следовало побыстрее получить крокодилов и обустроить их в каком-нибудь более-менее теплом месте. И потом уже думать, а что делать дальше.

* * *

Зайца били в полосе отчуждения Северной железной дороги рядом со станцией «Архангельск-Город», куда он пошел по своим крокодильим делам. Значит, дело и правда серьезное – следили профессионально, Заяц слежку не заметил. А ведь у него, африканиста, на это дело острый нюх. И безграмотность записки – так, кураж, забава. Видимо, серьезным людям помещал негодник.

Подкрались сзади, незаметно, ударили по голове, сшибли с ног, а потом уже начали бить. Били молча, технично, спокойно, не сбивая дыхания. Отбили все бока, прыгали на руках и на ногах. В живых, однако же, оставили, ушли. Да и не сказать, чтобы серьезно искалечили. Хотя поиздевались ощутимо.

И сразу после этого заверещал спецсигнал полицейского «козлика», а затем медицинской «газели». Как будто знали. Хотя, может быть, и вправду знали? В наше время ничему не удивляешься.

Правда, всего этого Олег не помнил. Пришел в сознание уже в больнице, в палате интенсивной терапии. С перевязанным глазом и царапучими пеньками вместо некоторых зубов. И пшеничные усы зачем-то сбрили. Видимо, они мешали трубке, что вела теперь к его ноздре.

В тот же день его перевели в обычную палату. И уже вечером к Зайцу пришла Полинчик. Поразила его своим видом – в чиновничьем парике и отутюженном мундире какой-то из силовых структур. Заяц в них, увы, не разбирался, определить, какая именно, не смог. Да и не очень-то хотелось.

Смотрела укоризненно, кивала головой. Принесла сок, новый смартфон с сим-картой и печальное известие про крокодилов – выкинули их из вагона прямо в снег, замерзли твари бессловесные. Впрочем, Зайцу было не до крокодилов – сильно болел перевязанный глаз, и мысли плыли нехорошие. О том, причастна ли старинная подруга к происшедшему, а если и причастна, то с какого боку?

Заяц покрутил смартфон. Какой смысл в смартфоне, если все телефонные номера остались в прошлом, навеки исчезнувшем? В принципе, Полинчик, пользуясь служебным положением, могла бы и восстановить его контактный лист. Но не восстановила. Черствая женщина.

В памяти вдруг всплыл номер его старого приятеля, Валерия Николаевича Галактионова. Тот, когда переехал из Владимира в поселок Янтарное Калининградской области, воспринимал свой переезд как начало новой, красивой жизни и, в знак этого, купил себе калининградскую сим-карту с так называемым красивым номером. Номер состоял по большей части из нулей и единиц, как будто бы не телефонный номер, а программный код какой-то. Запомнить его было просто.

Приятель сразу же снял трубку. Долго охал, сокрушался, хотел было ехать выручать. Да поздно было выручать, теперь-то уж чего. Еле смог уговорить, чтоб тот не дергался, а то ведь только хуже будет. Даже про крокодилов рассказывать не стал – выдал за простой бытовой случай. Пообещал еще звонить.

Вроде бы и не сказать, чтоб очень близкий человек, а все равно приятно – поддержали.

* * *

Выздоровление, вопреки прогнозам, длилось долго. Долго читать или бродить по интернету, к сожалению, не получалось – сильно болела голова. Оставалось лишь лежать и размышлять. О чем? Ясное дело, о случившемся.

Картина, в общем, очень быстро прояснилась. Паззл сложился качественно, монолитно. Да, частный зоопарк «Мадагаскар» прознал о планах Зайца обустроить крокодильник и, задействовав административный ресурс (а по иронии судьбы таким ресурсом стала старая подруга из экспедиционного прошлого, вероломная Полинчик), нейтрализовал потенциального конкурента. Сначала коварная Полинчик попыталась просто отговорить Зайца от идеи крокодильника – предлагая вместо этого устроить полноценный зоопарк, прекрасно понимая, что такое Заяц не потянет. А когда ничего не вышло, организовала квалифицированное покушение и порчу крокодилов. Эх, женщины.

Но чем дольше он об этом думал, чем больше смаковал и прокручивал сложившуюся безупречную картину, тем менее безупречной она представлялась, тем больше изъянов образовывалась в ней, тем больше элементов паззла либо с треском выскакивало из общего полотна, либо, наоборот, начинало мотаться из стороны в сторону – настолько их размеры вдруг переставали соответствовать отведенному им месту.

Смуцал «Мадагаскар». Олег был в том «Мадагаскаре». Небольшое помещение на четвертом этаже многопрофильного торгового комплекса. Какие-то обезьянки, черепашки, чуть ли не чебурашки. И люди там интеллигентные и одухотворенные. Они, конечно, могут ничего не знать о нападении на Зайца, но все равно как-то не верится. К тому же тот «Мадагаскар» относится к типу тактильных зоопарков, то есть животных можно трогать и с руки кормить. А крокодила поди покорми. Словом, по любому получается – Заяц со своими подопечными не конкурент «Мадагаскару».

И в вероломство Полинчика что-то не верится. Помнится, как-то раз они попали в переделку – оказались в одном племени, где о существовании белых людей, в принципе, слышали, но живьем их ни разу не видели. Заяц и Полинчик были первыми. И когда они бежали через джунгли, а за ними с пиками наперевес гнались эти энтузиасты и кричали: «Огилько! Огилько!», что в переводе на русский означало «белый дьявол» или «человек без кожи», и Олег подвернул щиколотку, она его чуть ли не на руках вытащила к цивилизации. А ведь могла и не тащить. Не мог так измениться человек. То есть, конечно, измениться мог, но не настолько.

Да и вообще какая-то история неубедительная. Дурацкая записка, неожиданное нападение. В таких случаях, как правило, звонят, предупреждают. Не такой уж Олег и упертый, на рожон лезть не склонен, в конце концов поехал бы куда-нибудь еще, мало ли городов в России, мало ли где испытывают в крокодилах нужду. А тут – все как в плохом любительском кино.

* * *

И в один из дней, когда свинцовое небо висело особенно низко, а мысли несостоявшегося крокодильного импресарио были особенно тягостны, в палату снова вошла эта самая Полинчик, будь она неладна. На сей раз без мундира женщины-силовика, в партикулярном, лысая, все как обычно. Традиционный пакет с мандаринами, термос с каким-то укрепляющим чаем по особенному африканскому рецепту, куриный бульон. Села на табуретку, улыбнулась, взъерошила Зайца – как будто бы и не она была виновницей этого торжества. Или и вправду не она?

– Ну все, – сказала старая боевая подруга. – Виновные пойманы. Дело закрыто. Можно тебе обо всем рассказать.

– Да уж сделай одолжение, – отозвался Заяц без особенной надежды на правдивость бритой женщины.

– Итак, рассказываю. К нам поступила информация о том, что в городе действует шайка наркоторговцев. Своеобразная такая шайка, состоящая исключительно из подростков. Мне было поручено эту шайку найти.

– Тебе-то, с твоим-то опытом, и вдруг какие-то подростки? – не поверил Заяц. – Несерьезно.

– Где дело касается наркотиков, там все серьезно, – сказала Полинчик тоном школьной учительницы. – Тем более, что эту шайку никак не могли захватить. Это же дети, вот они и действовали как дети, то есть, совершенно непредсказуемо. И ты поэтому не заметил слезки, потому что и представить не мог, что опасность исходит от каких-то детей.

– Я? Да я-то здесь при чем? «Мадагаскар»...

– Какой Мадагаскар? Ты бредишь? Доктора позвать? Лежи и не перебивай. Так вот, они откуда-то прознали, что в Архангельск приезжает крокодилщик. Они, разумеется, решили, что это потенциальный конкурент, беспредельщик, который не брезгует даже «крокодиллом». Это наркотик такой, один из самых страшных, от него через полгода человек буквально по частям разваливается. А наркоманов, которые на нем сидят, называют «крокодилщиками». Вот они и решили, что «Крокодилщик» – кличка наркодилера, который специализируется на этой гадости. Ну, ты понимаешь, у кого чего болит, тот про то и говорит. Про настоящих крокодилов они даже не подумали. Вот и решили тебя нейтрализовать. Сначала письмо подложили...

– Так что же, это самое письмо – не стилизация? Оно действительно написано безграмотным подростком?

– Конечно! Они в школу вообще не ходят. А когда ты явился на вокзал, они не знали, что ты собираешься уехать. И когда увидели твою эсэмеску про крокодилов...

– Как это – увидели? Со мной в этот момент рядом точно никого не было. Ни подростков, ни пенсионеров...

– Эх, не знаешь ты современную молодежь. Это у них с русским языком проблемы, а телефонный номер твой взломать – дело пяти минут. Так вот, когда они прочитали про крокодилов, то решили, что ты явился получать этот страшный наркотик. И решили тебя нейтрализовать.

– Стой, подожди. Не сходится. Как это – про настоящих крокодилов не подумали? А зачем они тогда моих несчастных крокодилов из вагона выкинули в снег?

– А это были не они. Просто оплаченное время хранения крокодилов закончилось, вагон нужно было заполнять и гнать дальше, вот железнодорожники и выбросили крокодилов. Я сама их допрашивала. Говорят, жутко боялись, но выбора не было. Так что, все, что тут с тобой произошло – досадное стечение обстоятельств.

Старая боевая подруга давно уж ушла, африканский чай выпит, мандариновые шкурки подсыхали на тумбочке и издавали праздничный новогодний аромат, а Заяц все лежал и думал, что теперь придется начинать жить с чистого листа. Но вряд ли этот лист будет лежать в Архангельске.

* * *

Спустя несколько дней директор школы поселка Янтарный Валерий Николаевич Галактионов, вернувшись в кабинет после обеда, обнаружил на столе послание. Оно гласило: «Ты чмо сиди на жопировно не ездни куда очкуй и шоб про кракадилоф вааобще ни заикался».

«Что за гадость? Что за чушь? – подумал Валерий Николаевич. – Какие крокодилы? А ведь наверняка это Васька Циолковский из седьмого „а“. Точно он, больше-то некому. Надо срочно переговорить с его отцом».

И, не откладывая дело в долгий ящик, Валерий Николаевич потянулся к телефонной трубке.

Собутыльник на час

Судьба у Кирилла Саратова сложилась удачно. До конца нулевых он был заурядным фрилансером, пишущим о чем ни попадя в различные московские издания за скромный гонорар. Но с десяток лет тому назад Кирилл отправился в городок Светлогорск, бывший в то время бюджетным балтийским курортом, где ему довелось познакомиться с практикующим психологом Инессой Павловой. Полуслепая девушка Инесса подозревалась в убийстве, которого она, естественно, не совершала – полуслепые вообще очень редко покушаются на чью-нибудь жизнь, легендарная Фанни Каплан – исключение. Он помог ей снять с себя все подозрения – для этого пришлось найти настоящего убийцу – а по возвращении в Москву пошел к Инессе в помощники, в ее бюро психологической помощи. И ни разу об этом не пожалел.

Инесса с Кириллом действительно помогали людям, притом подчас не столько как психологи, сколько в качестве сыщиков. А выбора не было. Человек приходил со своими проблемами – что-то ему, якобы, чудилось, мерещилось и так далее. Партнеры вникали в ситуацию – и оказывалось, что источник проблемы не внутри, а снаружи. То есть, вокруг клиента реально происходила какая-то нехорошая возня, которую и приходилось расследовать.

Много, кстати, ездили – и по России, и по заграницам. Вдруг оказалось, что мир так компактен – какая-то история начинается в Москве, продолжается во Владимире-на-Клязьме, оттуда перекидывается во Франкфурт-на-Одере. Словом, покатались.

Материальное положение Кирилла ощутимо улучшилось, а в жизни Инессы произошли еще более удивительные перемены. Наконец-то офтальмология достигла таких высот, что ее смогли прооперировать, притом удачно. Профессиональным снайпером она, конечно, никогда не станет, но, по большому счету, у нее со зрением теперь все в норме. Фактически, обретя новые глаза, она сделалась совершенно другим человеком. Была спокойная и робкая, а стала просто ураган. Это, кстати, все были ее решения – не отказаться от какого-нибудь рискованного дела явно не по психологическому профилю, а, наоборот, пускаться во все тяжкие. Экстремальные виды спорта, мотоцикл, боевые искусства, пистолеты – все это вдруг сделалось ее областью интересов. Завела собаку, бультерьера, свинью мускулистую, которую Кирилл страшно боялся.

Кирилл, наоборот, с годами сделался скучнее, правильнее, ленивее, нелюбопытнее. И в конце концов не выдержал, ушел. Впрочем, Инесса не особенно сопротивлялась. Ему с ней стало страшно, а ей со ним скучно. Кирилл завел свое дело, тоже детективное. В пик инессиному бультерьеру приобрел кота, огромного и абсолютно черного мейнкуна. Первое время всюду с ним перемещался по Москве (дальние поездки, разумеется, забросил, хватит, накатались). Таким образом он подражал сквозному персонажу одного французского детективщика, который выезжал на расследование исключительно в сопровождении своего гигантского кота. Но вскоре выяснилось: что хорошо на страницах романа, то совершенно невыносимо в реальной жизни. При перемещении вне собственной квартиры (пусть даже в пределах Москвы) возникало множество сугубо технических проблем. Один только лоток чего стоил. Страшно представить, каких размеров должен быть этот лоток для столь объемистого и, соответственно, прожорливого животного. В результате кот в один прекрасный день остался дома – и вышло так, что навсегда. Впрочем, он и не особенно страдал, страсть к путешествиям у хвостатого товарища отсутствовала полностью. Кстати, имя ему дали Кашемир.

Словом, с котом не сложилось. Да и сыщик из Кирилла вышел более чем посредственный – без Инессы дело явно не пошло. Он закрыл свое агентство и, помыкавшись и многое попробовав, нашел таки свое призвание. Кирилл – собутыльник на час.

* * *

Эту профессию он сам придумал – раньше ее не было. Ход его мысли был прост.

Жизнь человека в большом городе, каковым, безусловно, является Москва, способствует разрушению традиционных укладов. Не удивительно – уровень сервиса достигает таких высот, что семья как бытовая и экономическая общность перестает быть и бытовой, и экономической необходимостью. Стиральная машина, посудомоечная машина, пароварка, мультиварка, кофеварка, всяческие хитрые чайники и самодвижущиеся пылесосы практически полностью заменили хозяйку в патриархальном понимании этого слова. Муж как таскатель тяжестей и домашний умелец тоже не нужен – все, от питьевой воды до спального гарнитура, можно купить в интернете и, если надо, с услугами сборки. Просить друга помочь что-нибудь куда-нибудь перевести – дешевле вызвать грузоперевозку, чем потом этому другу в ресторане проставляться. Да и напортачит друг – небось не такелажник по образованию. И так далее.

Но стихийно сложившаяся структура во многих случаях требует ручной, отверточной доводки. Так появилась профессия «муж на час». Это не сексуальные услуги, это быт и только быт. Когда у одинокой женщины скапливается в квартире определенное количество неисправностей, она звонит этому самому мужу, он приезжает, переодевается в голубой комбинезон и приступает к выполнению своих супружеских обязанностей. Чинит розетку, затем прибавляет полочку, вешает люстру, подправляет карниз и так далее. Оплата почасовая. Очень удобно. Точно уж удобнее, чем ради этих мелочей на самом деле замуж выходить.

То же и с дружбой. Отсутствие необходимости поддержки дружеских контактов разрушает старую дружбу и не способствует появлению новой. И все б ничего, только выпить становится не с кем. Посидеть в обнимку, попеть песни молодости, на начальника пожаловаться, на подружку, вообще душу излить. И чтобы тебя понимали, чтобы участливо кивали головой, небожно пихали в бок и отвечали пьяным голосом: «Ну, старик, ты этого, держись... Мы с тобой еще – ух!»

Тут-то и появляется Кирилл со своим объявлением. Дескать, составлю компанию в совместном распитии спиртных напитков. Без криминала (в том смысле, что витрины колотить не пойду, и всякие бодрящие вещества кроме алкогольных тоже исключаются категорически). Опыт работы психологом. Играю в домино и на гитаре. Знаю анекдоты, бардовские песни. Возможны посещения ресторанов, выезд на квартиру и дачу, пикники на природе в разрешенных местах. Еда, напитки и трансфер за счет заказчика. Кирилл Саратов, телефон, емейл.

* * *

Кирилл, грешным делом, боялся идти на свое первое дело. Думал даже охрану нанять. Всерьез рассматривал вариант с Инессой в качестве охранника – все-таки свой человек, не даст в обиду. Потом решил, что это лишнее. Это над продажной женщиной могут всяко надругаться – у нее там есть над чем надругиваться. А тут? Даже смешно. И как объект для отъема имущества Кирилл тоже не подходит – если человек до того домумукался, что выпивает за деньги с другими людьми, то о чем тут вообще говорить.

И вот, очередной визит.

– Разувайтесь, пожалуйста. Тапочки под вешалкой.

Это – первые слова, которые Кирилл услышал от своего первого клиента, и с тех пор слышит регулярно. Один в один. С редкими и незначительными вариациями.

И вот, очередной заказ. Случай, в общем, типичный. Старая Москва, один из переулков Ивановской горки. Так называемый «тихий центр», благополучное место. Доходный дом 1912 года с грифонами и единорогами на фасаде (последних Кирилл, даром что по образованию историк, уничижительно называл козлами). Запущенная лестничная клетка. Прихожая – наоборот, в стиле «аккуратная бедность». Половичок, электросчетчик, фальшивые лосиные рога. А может, настоящие – темно, лампа сорокаваттная. Больше нельзя – экономия на электричестве. И энергосберегающую тоже нельзя поставить – сама лампа дорогая.

– Кирилл, пройдемте в зал.

Большую комнату в таких квартирах почему-то называют залами. Ассоциация на самом деле не совсем понятная. Какой, вообще говоря, зал имеется в виду? Концертный? Спортивный? Актный? Может быть, бальный? Вроде бы все не подходит. Ну да ладно, хорошо, не на кухню ведут.

А стол, кстати, вполне ничего, на четверочку с минусом. Холостяцкий, конечно же, без разносолов и особенных изысков, но не убогий. В основном шедевры магазинного отдела кулинарии. Винегрет, салат типа «Столичного», селедка под шубой, сырная, колбасная нарезка, огурцы-помидоры. Русская национальная рыба под названием кижуч. Велик и могуч ароматный кижуч. И, конечно же, водка. Самый предсказуемый вариант, классика – «Зеленая марка». «Новотерская минералка».

С другой стороны, а на что было рассчитывать? На «Абсолют» и черную икру? Нет, у тех, которые с черной икрой, в друзьях обычно недостатка не бывает.

А сам стол – круглый. Старинный буфет – судя по запущенному состоянию, действительно старинный, а не под старину. Половины ручек не хватает. Диван продавленный. Всякого рода шкафы-стеллажи. И сам хозяин – настоящий клоун.

Нет, не в том смысле клоун, что чудака-человек. Он по профессии клоун. Как Никулин, Енгибаров и Олег Попов. Правда, вполне заурядный – даже в штате не работает ни в одном цирке. Так, клоун-фрилансер. Детские утренники, дни рождения, свадьбы, корпоративы. Сидит клоун на толчке, голова в сливном бачке.

Пожилой мужик, под шестьдесят ему, а такие унижения на работе терпит – нарочно не придумаешь. Порассказал Кириллу всякого. Прошел, что называется, огонь, воду и медные трубы. А выпить не с кем.

Денег тоже, разумеется, особо не скопил. Кирилл даже подумал на секунду – может, гонорар с него не брать. Но сразу же отогнал от себя эту дурь. В конце концов, было бы у него совсем в материальном отношении фигово – пошел бы с бомжами керосинить, на автобусную остановку. Так нет же – Кирилла Саратова ему подавай. По объявлению.

* * *

Клоун же явно решил оттянуться как следует. «Зеленая марка» лилась ниагарой. Уже третья бутылка подходила к концу. Правда, поллитровая, но явно не последняя. Кирилл тоже себе не отказывал в выпивке. Но основной удар на себя взял клоун-фрилансер. Кстати, Кирилл так и не выяснил, как его зовут. Он представился Аркадием Косынкиным, но это больше смахивало на коверный псевдоним.

Собутельники давно уж перешли на «ты». В застольной беседе лидировал, разумеется, клоун. Не удивительно – именно он в этот вечер заказывал музыку, именно ему необходимо было душу отвести. Разговор от общих тем – политика, женщины, качество алкоголя, советские анекдоты – перешел к тому, какой весь мир вокруг плохой, а затем и к тому, какой маэстро Косынкин хороший. Просто дивный человек и клоун тоже бесподобный. На гастролях в Витебске весь цирк покрыл аплодисментами его номер про Чапаева и Анку-пулеметчицу, притом публике особенно понравилось, как он перевоплощался именно в пулеметчицу. В Сочи прямо на пляже «Ривьера» он изображал из себя чемодан курортника, и прямо там же был вознагражден очередным ужасно выгодным ангажементам – изображать все тот же чемодан, но уже в городе нефтяников Альметьевске, а затем и в алмазной столице России, городе Мирный (республика Саха). На утреннике для детей работников книжной торговли он при падении случайно повредил себе мениск, и организаторы оплатили ему и лечение, и реабилитацию, хотя и не обязаны были это делать – так им понравилась песенка «Птички-птички, птички-птички, Кто ж такие птички?» в исполнении Аркадия.

Выпитое, между тем, начало действовать и на Кирилла. Накануне он не выспался (Кашемир маялся животом, сожрав большой пакет сырых пельменей), в комнате было душно-вато, речь клоуна становилась все более скучной и однотонной. Низкий поролоновый диван,

опять же, не способствовал предельной концентрации внимания. Словом, Кирилл позорно задремал, даже глаза прикрыл, продемонстрировав тем самым полную профнепригодность.

К счастью, заказчик был так увлечен рассказом о своей судьбе, что не успел зафиксировать этот постыдный конфуз. В дверь зазвонили вовремя, дверной звонок у клоуна был дешев и сердит, а пробуждение, соответственно, тревожно – дескать, где я? Ужас от звонка сменился ужасом от вида самого Косынкина – он, впитав в себя немалое количество спиртного, успел переодеться в клоунский костюм и даже наложить какое-то подобие грима. По всей видимости, это был костюм из прославленной чапаевской репризы – циклопические бутафорские груди, юбка выше колена, чулки в сеточку, кривой алый рот, рыжий парик и пролетарская косынка. От такого смелого прочтения образа Анки-пулеметчицы шла кругом голова.

– Я сейчас открою, – пробормотал Кирилл, чтобы не видеть этот кошмар, и поплелся в прихожую.

* * *

– Здравствуйте. Аркадий Николаевич дома? – спросил подтянутый мужчина лет сорока, с хвостиком. Лицо его покрывал густой загар, который не получишь ни в московских соляриях, ни на средиземноморских курортах. Неудивительно – ведь это был Олег Заяц, в прошлом отважный путешественник и ученый профессор-африканист.

– Да, – проходите, пожалуйста, – посторонился Кирилл.

Заяц вошел в «зал», увидел Косынкина в сценическом костюме, ни слова не говоря, схватил пепельницу и со всей силы швырнул ее в клоуна. Следом за пепельницей в него полетела недопитая бутылка водки и рожок для натягивания обуви, не в добрый час оказавшийся на телевизоре. Взгляд африканиста сделался безумным. Казалось, он вообще не понимает, что творит.

Впрочем, именно так оно и было. Уйдя по безденежью из института Азии и Африки, Олег решил продемонстрировать жителям Архангельска живых крокодилов, но потерпел такое сокрушительное фиаско, что долго потом восстанавливался в архангельской больнице. А потом и в Анапе, в военной санатории «Десантник», куда его устроила боевая подруга Полинчик, в прошлом такая же африканистка, а теперь – высокопоставленная сотрудница одной из силовых структур.

Помыкавшись некоторое время без работы, отважный путешественник устроился коллектором в одно из многочисленных бюро по выбиванию долгов. Он не учел возможные последствия той неприятности, которая с ним приключилась в негостеприимном городе Архангельске, где его отнюдь не шуточно побили.

Больше всего у Зайца пострадала голова. Время от времени она болела, но не это главное. Вдруг обострилось множество латентных заболеваний, которые до этого и вовсе не давали о себе знать. Одним из них была коулрофобия – боязнь клоунов. Но сам Заяц об этом пока что не знал. Это был первый припадок экзотического недуга. Видимо, когда-то в детстве отважного африканиста клоун напугал. Случай успешно позабылся, а теперь вот вылезло. Привет, так сказать, из Архангельска.

Дело в том, что коулрофобия проявляется у всех по-разному. Кто-то может войти в ступор, в ужас замереть, одеревенеть, побледнеть, покрыться нездоровой испариной, и так и стоять. Кто-то убегает, в угол прячется. А у некоторых коулрофобов, наоборот, возникает неконтролируемый прилив агрессии. Именно таким страдальцем оказался Заяц. Хотя еще вопрос – кто именно страдалец.

От пепельницы клоун увернулся. Она угодила в стеклянную дверцу буфета. Дверца разбилась с благородным звоном, внутри буфета тоже что-то звякнуло, а стол, и без того не отличавшийся роскошеством, сделался и вовсе омерзителен – его покрыл ровный слой пепла и окурков. Бутылка водки угодила в стену и разбилась, оставив на обоях некрасивое пятно. Зато обувной рожок угодил господину Косынкину прямо в лоб – несмотря на богатый цирко-

вой опыт, годы брали свое, и долго уворачиваться от летающих предметов было все же утомительно. Тем более, когда эти предметы направляются верной рукой бывалого путешественника.

Кирилл, будучи от природы наделенным аналитическим умом и умудренным историческим образованием, поступил в соответствии со старой русской мудростью: «двое дерутся – третий не мешай», и в две секунды спрятался на кухне, бросив своего клиента в более чем очевидной беде. Поступок, вообще говоря, некрасивый, но позволяющий сохранить здоровье, и без того изрядно потраченное неумеренным употреблением бодрящих напитков. К тому же он не знал подробностей – ни про недуг Зайца, ни про долги Косынкина, ни про то, что Заяц появился по душе Косынкина как раз из-за этих долгов. Клоун знал про долги, о цели странного визита даже не догадывался (все-таки коллекторы ведут себя хотя и агрессивно, но совсем иначе), о заболевании визитера ничего не знал. Заяц знал про долги, но до поры до времени ничего не знал про свой недуг. Словом, полнотой информации из всей этой троицы не владел никто.

На счастье Косынкина, организм любого человека устроен как часы с маятником – сильное возбуждение быстро сменяется не менее сильным торможением. Рожок для обуви стал последним метательным снарядом, на который хватило отважного африканиста. Обессилев, он сел на диван, обхватил голову руками и принялся жалобно всхлипывать. Клоун, не снимая своего наряда, сослужившего ему столь нехорошую службу, подошел к Зайцу и задал единственно возможный в этой ситуации вопрос: «Слушай, мужик, ты чего?». Заяц поднял голову, увидел клоуна на этот раз в непосредственной близости и со всей силы двинул ему кулаком в солнечное сплетение. Клоун ухнул, как сова, и сел на пол. Заяц сорвал с головы Косынкина рыжий парик вместе с косынкой и швырнул его в сторону буфета. Парик влетел в разбитую застекленную дверцу и повис на торчащих из нее осколках. И тут в квартиру – благо дверь была открыта – вошел наряд полиции, вызванный предусмотрительным Саратовым.

* * *

Мы не будем описывать, что было дальше. Вторжение в квартиру полицейского наряда – вещь в нашей стране вполне обыденная, и каждый читатель, опираясь на собственный жизненный опыт, в состоянии самостоятельно представить себе эту сцену. Скажем лишь, что все прошло вполне интеллигентно, без излишней жестокости. Шишка на клоунском лбу была самым серьезным ранением, полученным в этот вечер в квартире Косынкина. В первую очередь в этом была заслуга командира полицейских капитана Алексея Пивоварова. Он когда-то пришел в органы исключительно из романтических побуждений и до сих пор, к удивлению сослуживцев, свой первоначальный настрой не растратил.

Полицейские ушли. Зайца увезли в карете «Скорой помощи» – похоже, ему снова предстояло лечение в стационаре, пусть и не такое продолжительное, как в Архангельске. Косынкин слегка прибрался в комнате, вытащил из холодильника очередную «Зеленую марку», рижские шпроты, белорусскую колбасу, а из многострадального буфета – тульские пряники и коломенскую пастилу. После случившегося клоун и собутыльник на час стали значительно ближе друг другу. Кирилл теперь даже не взял бы с Аркадия свой гонорар, но, наученный опытом, он имел обыкновение требовать деньги вперед, и приятный на ощупь конвертик уже перекочевал во внутренний карман его куртки. Не отдавать же обратно.

* * *

Казалось, хмель полностью выветрился, но на старые дрожжи водка подействовала быстро, ждаться себя не заставила. И на новом витке опьянения Косынкин начал жаловаться Саратову на жизнь.

Клоунский заработок нестабилен. Но, тем не менее, он есть, а иногда даже не маленький. Поэтому Аркадий брал займы спокойно – знал, что пройдет совсем немного времени, и все отдаст, даже с процентами. Правда, чаще всего, брал у друзей и без процентов. Но тут случилось непредвиденное. Безденежье совершенно неожиданно накрыло его на гастролях,

в поселке городского типа Янтарном Калининградской области. Там он и несколько его коллег, таких же неприкаянных, раскинули прямо у моря шапито, благо пляж в Янтарном широченный.

У Аркадия сломался телефон, да так, что местные специалисты не смогли ничего сделать. Клоун купил себе другой, довольно дорогой, стал обмывать его с приятелями, да прямо в ресторане и посеял. Впрочем, не исключено, что телефон спер Чарли Лондон, старый и абсолютно безнравственный иллюзионист-эксцентрик. Аркадий спьяну купил новый телефон, еще дороже прежнего, закатил в дорогом ресторане застолье и остался без денег вообще. Никто из циркачей деньгами не ссудил, что, собственно, и следовало ожидать. Местные жители порекомендовали клоуну Иннокентия Змееловлева, более известного в поселке как Змей. Человек без определенного рода занятий, он постоянно проворачивал всякие мутные делишки, в том числе давал в рост деньги.

Именно к нему и обратился за помощью клоун Аркадий. Встреча произошла в поселковом пабе «Янтарь». Место это считалось одним из самых уважаемых в городе, именно поэтому в нем околачивались самые подозрительные жители поселка. Будучи при деньгах, они заказывали кенигсбергские клопсы, селедочный салат, а к немецкому пиву – немецкий же шнапс и настоящие соленые брецели размером с руль грузовика. А если денег не было, довольствовались польским пивом «Эль Бревери», которое укрепляли водкой «Великое посольство люкс». Бармен Василий относился снисходительно к бюджетным заказам, недовольство не проявлял – знал, что уже на следующий день нынешний скромник может сделать «Янтарю» половину вечерней выручки.

Змей сидел за неприметным столиком в углу и неспешно отхлебывал чешский коктейль «бетон» – желудочный ликер «Бехеровка» с тоником и лимоном.

Змей по обыкновению играл дурачка. Лыбился во весь рот, извивался всем телом, травил анекдоты. Сумму – всего тридцать тысяч рублей – обозвал символической, говорил комплименты, признавался, что был в пляжном шапито и в восторге от творчества клоуна Косынкина. Постоянно подливал ему в стакан из фляги. Аркадий рассиропился, разнежился, Змей показался ему милым. Подписывал какой-то документ, не слишком понимая, что это. Змей говорил, что нечто символическое, как и сумма, и Аркадий ему верил.

Когда же, по прибытии в Москву, Косынкин получил очередные гонорары и позвонил в Янтарный Змею, спросить, как тому удобнее принять одолженный тридцатник, Иннокентий сделал вид, что несказанно удивился, заявил, что тысяч было триста тридцать, а не тридцать, да и с тех успели набежать проценты, поскольку начислялись они с первого же дня. Окончательную сумму клоун так и не озвучил – постеснялся. Сказал, что не хотел бы выглядеть перед Кириллом совсем лохом. Хотя, казалось бы, куда уж больше, и стесняться нечего.

* * *

Змея били в штольне «Урсула» заброшенного янтарного рудника. Как ни странно, праву устроил коллектор, первоначально нанятый собственно Змеем. Он, чувствуя неловкость перед клоуном, позвонил ему как только более-менее пришел в себя. Аркадийпил четвертый день подряд, к чему мы отнесемся с пониманием – такой стресс пережил человек, это вам не в цирке на опилки падать. Поэтому образовался своему, можно сказать, обидчику, словно родителям, и рассказал ему все от начала до конца.

По случайному совпадению, каковыми так подозрительно богата наша жизнь, в Янтарном у Олега Зайца жил приятель – директор тамошней школы Валерий Николаевич Галактионов. Еще совсем недавно он работал во владимирском казино самого примитивного пошиба, но как-то в ночь под Рождество Христово с ним случилось настоящее перерождение, он даже думать позабыл о порочном промысле крупье и полностью отдал себя воспитанию подрастающего янтарного поколения.

Валерий Николаевич позвонил местному криминальному авторитету Никите Циолковскому по кличке Бургомистр. Его сын Василий по случайному, опять же, совпадению, учился в местной школе, пользовался заслуженной репутацией записного хулигана и служил регулярным поводом к телефонному общению директора и пахана. Бургомистр обрадовался, что на этот раз звонок не связан с его отпрыском, произнес свое дежурное «говновопрос», и проблема фактически была решена.

Змея заманили в штольню обещанием продать партию совершенно уникального пурпурного янтаря, который в сочетании с абсентом и реперскими фонограммами, якобы, дает эффект, приближенный к воздействию легких наркотиков – при этом все три компонента официально не запрещены. Но вместо обещанного уникального продукта его встретил тяжелый кулак одного из бойцов Бургомистра.

Били, впрочем, не насмерть. Били, пока Змей не подписал бумагу о том, что никаких претензий к Аркадию не имеет. Змей же подписал ее довольно быстро, практически сразу. Понял, что все равно придется подписать – так лучше уж отделаться хотя бы минимальными физическими потерями.

И уже через неделю Змееловлева выписывали из калининградской городской больницы скорой медицинской помощи, а еще через несколько дней он опять сидел в баре «Янтарный», за своим любимым столиком и был полностью готов опять испытывать свою непростую судьбу.

Тараканы не пахнут

Инесса Павлова сидела в своем кабинете с панорамным видом на безобразные московские крыши. Комната на 78-м – подбирала по году рождения – этаже излишним роскошеством не отличалась. Крючок для одежды, крючок для мотоциклетного шлема, стол вообще без тумбочек, типа обеденного – а зачем эти тумбочки, когда все равно все в компьютере? На столе – этот самый компьютер, дорогуший ноутбук. Огромный монитор, клавиатура, мышь, колонки. В противоположном конце комнаты – пара тренажеров, турник. Встроенный шкафчик для спортивного костюма. И больше ничего. Ни календариков, ни дурацких пластиковых сувениров, ни цветов, ни конфет-печенюшек, ни даже электрического чайника. К спартанской обстановке Инесса пристрастилась еще с тех времен, когда почти что ничего не видела. Слепому так проще.

Из необязательного – разве что огромный плоский телевизор во всю стену. Обретя зрение, Инесса почему-то не полюбила ни живопись, не скульптуру, зато пристрастилась к телевизионным сериалам. Ясное дело, про ментов. Ясное дело, не в эфире – подстроить свой рабочий график под телевизионную программу было невозможно. Сериалы скачивались в интернете.

Поэтому очередной клиент пусть и прервал просмотр очередной душещипательной новеллы про убийства, но не лишил девушку радости продолжить удовольствие при первой же возможности.

– Здравствуйте. Я Миша. Дезинсектор.

– Еще раз, как ваша фамилия? Ко мне вроде бы другой записывался. Не Дезинсектор.

При всей своей интеллигентности и аналитических способностях, эрудицией сыщица не отличалась.

– Фамилия моя Фетюшкин. А дезинсектор – профессия. Я тараканщик. Тараканов морю. Тараканничаю.

«Ужас какой,» – поморщилась про себя Инесса. Ей сразу представился пляж, этот самый Фетюшкин на пляже. Голый, синюшный и в противных коричневых плавках, под цвет тараканов. Вот он знакомится с девушками, он, вообще говоря, симпатичный, девушки проявляют интерес. «А чем вы занимаетесь?» – спрашивает одна из них, самая смелая и дерзкая. «Тараканов морю, – отвечает Фетюшкин. – Фетюшкин моя фамилия».

Инесса размечталась, рассиропилась. Вспомнила, как с десяток лет тому назад она и сама познакомилась на морском курорте с милым юношей, Кириллом Саратовым. Уж он не морил тараканов, и плавки у него были нормальные, черные с серым. Ах, как давно это было, как сладостны воспоминания. Он ей тогда очень сильно помог...

– Госпожа Павлова, мне продолжать?

– Ну, продолжайте, продолжайте, – обреченно сказала Инесса и посмотрела на Фетюшкина с обидой. Сначала от сериала отвлек, затем от милых грез. Да тараканы еще эти. Не к добру явился Михаил Фетюшкин, не к добру.

– Вообще-то я из Костромы...

«Час от часу не легче».

– И как у вас там, в Костроме с тараканами? Большой фронт работ?

– Да, большой фронт. Старый фонд. В смысле, большой фронт работ, потому что старый жилой фонд.

«Господи!»

– Хорошо, продолжайте.

– Ну вот я что и говорю. До прошлой недели все было нормально. А потом произошла одна страшная вещь. Я переборщил с дозировкой. И клиент умер. И все.

– Что все?

– Меня подозревают в убийстве. Но я не убивал.

Михаил даже не догадывался, как это знакомо Инессе. Тогда, в Светлогорске она тоже не убивала, а полиция сделала ее главной подозреваемой. Только благодаря Кириллу Саратову все эти подозрения удалось начисто снять – они тогда вместе нашли настоящего убийцу. Эх, где-то сейчас Кирилл Саратов? Что-то поделывает? Выпивает, наверное...

Инесса даже не подозревала, как близка она к истине. Кирилл в этот момент действительно обслуживал своего очередного клиента, то есть именно что выпивал.

– Нет, я, конечно, убивал, но не нарочно, – снова прервал Феюшкин романтические грезы Инессы.

– Так убивали или нет? Определитесь, наконец.

В любом случае – было ли убийство по неосторожности или же не было убийства вообще, Инесса верила в невиновность своего посетителя. В людях она разбиралась.

– Не знаю. Вероятно, все-таки нет. А может и да. Можно, я по порядку?

И, поскольку Инесса не имела ничего против этого, Михаил, наконец-то, начал свой рассказ.

– Я работаю в Костроме дезинсектором уже давно. Моя работа оплачивается не очень высоко, но заказов много – дома-то старые, тараканов море.

Инесса представила себе море тараканов. Тогда, на море Кирилл постоянно читал ей какое-то дурацкое немецкое стихотворение, только не про таракана, а про клопа. Но какая, впрочем, разница?

– А клопов вы тоже морите?

– А почему вы спросили? – насторожился дезинсектор.

– Да так просто. К слову пришлось. Продолжайте, пожалуйста.

– Так вот, я и говорю. До прошлой недели все было нормально. Я приходил, опрыскивал углы, щели пропрыскивал, все такое, ну вы понимаете.

Инесса не понимала, но решила не вмешиваться – рассказ Михаила и так затянулся.

– Обычно тараканы отовсюду выползали и дохли. Потом я приглашал хозяйку и показывал ей результат. Хозяйка, как правило, удивлялась. Спрашивала: «Что, это все мои?» А я ей: «А вы что, думаете, я их с собой принес?».

Да, подумала Инесса, даже в этой суровой профессии найдется место для жизнеутверждающей шутки. Михаил между тем продолжал:

– Но все у меня оставались живы. Кроме тараканов, конечно. А тут вдруг поступает заказ от Поликарпа Поликарповича, нашего, костромского антиквара. Я так обрадовался – человек не бедный, может и чаевые хорошие дать.

– И как, дал?

– Нет. Зато умер.

– То есть?

– Вот так. Сначала все было нормально. Тараканы выползли, тараканы подошли. Поликарп Поликарпович в ужасе. Все как у людей. А потом он раз – и умирает. Врачи утверждают, что от тараканьего яда. Вот я и думаю – как же я мог так увлечься, что яд перепутал. Дозу, в смысле.

– А сколько лет этому вашему Поликарпию Акакиевичу?

– Поликарпу Поликарповичу.

– Хорошо, Поликарпу Поликарповичу. Судя по имени, он далеко уже не юноша. Так сейчас людей не называют. И в прошлом веке не называли. И в позапрошлом, кажется, тоже.

В свое время вдоволь наслушавшись рассказов Кирилла Саратова, историка по образованию, Инесса считала себя специалистом в области прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.